

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

МИРОСЛАВ ВОРОНКОВ

Мирослав Воронков

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

«Автор»

2026

Воронков М.

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ / М. Воронков — «Автор», 2026

2025 год. Российские учёные создают первый в истории двигатель искривления пространства и отправляют звездолёт «Союз» к загадочному источнику сигналов, приходящих из глубин космоса. Для семерых членов экипажа это путешествие станет испытанием не только технологий, но и человеческого духа. Пока на борту пройдёт всего пять месяцев, на Земле сменится целое поколение — минует более тридцати лет. Они вернуться молодыми в мир, который уже не будет прежним. Впереди — неизведанная галактика, встречи с необъяснимым и открытия, способные навсегда изменить представление человечества о времени, пространстве и самом себе. «Затерянные в космосе» — научно-фантастическая сага о цене знаний, силе надежды и людях, готовых оставить всё ради поиска ответов во Вселенной.

© Воронков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мирослав Воронков

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

Глава 1

ТОЧКА ИСКРИВЛЕНИЯ

Десятое июля две тысячи двадцать пятого года. Раннее утро. Воздух, ещё не успевший налиться зноем, был свеж и прозрачен — двадцать пять градусов по Цельсию. Техники на стартовой площадке иногда поднимали головы, прислушиваясь к пению птиц, и тут же возвращались к работе.

«Союз» стоял на площадке. Сто двадцать метров стали, квантовых матриц и инженерной дерзости. Его борта — сенсорные панели, антенны, сочленения систем — выглядели скорее, как нечто выросшее, чем созданное. Массивные опоры удерживали корабль над землёй. Он не выглядел готовым к полёту. Он выглядел терпеливым.

Это был первый полёт звездолёта в истории космонавтики с двигателем искривления пространства. Десятилетия трудов, бессонных ночей, проб и ошибок наконец сошлись в едином техническом решении. Учёные РАКА — Российского авиационного космического агентства — создали механизм, способный не разгоняться сквозь космос, а складывать его — как лист бумаги, соединяя далёкие точки одним касанием.

Ни репортёров, ни флагов, ни речей. Только радиопереговоры и мерный гул систем. Проект «Затерянные в космосе» не значился ни в одном публичном реестре. Даже самим космонавтам была открыта лишь часть правды. Семь лет назад учёные услышали сигналы из тьмы. Поначалу редкие и короткие, с каждым разом они становились всё отчётливее. Теперь, на протяжении двух лет, гравитационные пульсации заявляли о себе каждые семнадцать часов сорок две минуты по Гринвичу. У них не было природного объяснения. Они звучали не случайно. В них был расчёт. Всё, что касалось миссии, хранилось под грифом «Совершенно секретно». Три года учёные спорили.

— Это портал в иную реальность, — утверждал профессор Лазарев. — Мы выйдем за пределы известного космоса.

— Голос чужой цивилизации, — добавлял доктор Орлов. — Мы обязаны ответить.

— Рана в ткани пространства-времени, — предупреждал академик Семёнов. — Что, если мы разбудим то, что лучше не трогать?

Четвёртый голос принадлежал директору программы — доктору космической биологии, генерал-лейтенанту Голикову. Именно он, проанализировав данные, выступил перед высшим руководством страны:

— Туда нужно послать людей. Чтобы понять. Чтобы знать.

И вот решение принято. Никто не мог сказать точно, что ждёт их по ту сторону: новый мир, голос иной цивилизации или нечто, что не вписывается ни в одну из теорий. Спор учёных так и остался неразрешённым — каждая из трёх версий имела равное право на существование. Но именно эта неопределённость, смешанная с надеждой, и толкнула на первый шаг. Технологии наконец дозрели, а учёные и инженеры создали невозможное.

Тем утром генерал-лейтенант Фёдор Фёдорович Голиков стоял в метре от «Союза». Его взгляд перебегал с одной детали на другую, по антеннам, по иллюминаторам, по соединениям разнородных систем. В памяти всплыли кадры четырёхлетней давности: запуск и уже через десять минут яркое пламя, густой дым, разлетающиеся обломки, языки огня и шлейф продуктов горения. На мгновение показалось, что небо разделилось на две половины. Стометровый беспилотный звездолёт «Прометей-1» взорвался при испытаниях двигателя. Тот корабль был

прототипом — дерзким наброском того, что сейчас стояло перед ним. После «Прометея» он не спал трое суток. Не из-за расследований. Просто лежал и смотрел в потолок, прокручивая одну мысль: я это разрешил. Голиков положил ладонь на обшивку звездолёта. Металл был холодным.

— Ты идёшь не за данными, — сказал он. — Ты идёшь за ответами. Будь надёжным другом экипажа. Не подведи. Пять месяцев и три дня бортового времени. Тридцать лет и семнадцать дней здесь на Земле.

Он произнёс это без надрыва. Просто констатация факта. Семьдесят один год. Сердце, которое врачи уже два года слушали с особым вниманием. Он всё понимал — подписал бумаги, назначил преемника, выстроил протоколы так, чтобы миссия шла дальше без него, если понадобится. Но одно дело — бумаги. Другое — стоять здесь, у борта, и знать, что, когда они вернутся, его не будет. Мирослав вернётся — и не найдёт его. Голиков думал об этом почти спокойно. Почти. Где-то за этим спокойствием жила досада: не увижу. Не узнаю, что там, за точкой искривления. Они вернутся молодыми. Мир будет другим. Многие близкие не доживут. И я в их числе.

Голиков убрал руку с обшивки. «Союз» молчал. Монументальный. Терпеливый. В его безмолвии чувствовалась сила — не напоказ, а та, что не требует слов. А рядом — человек. Старый. Живой. Отпускающий.

В Центре управления полётами царила сдержанная напряжённость. Экипаж направился на финальную медицинскую проверку перед стартом. Все они были военными офицерами и одновременно учёными. Их отбирали три года: психологические тесты, проверка стрессоустойчивости, симуляции кризисных ситуаций, экзамены по специальным дисциплинам. Все владели оружием и навыками ближнего боя — на случай непредвиденного. Состав подбирался не только по профессиональным, но и по психофизиологическим характеристикам: разные характеры для баланса, давнее знакомство для доверия.

Мирослав — командир, майор. Глаза, привыкшие к длинным дистанциям. Убеждён, что в космосе есть загадки, которые ждут своего часа. И только ему было известно другое: бортовой искусственный интеллект вправе принимать решения в одностороннем порядке, если речь идёт о сохранении жизни экипажа и корабля. Секретный протокол, о котором не догадывались остальные.

Мила — штурман, майор. Зеленоглазая, с привычкой думать вслух и заразительно смеяться. Для неё отсчёт бортового времени начался ещё до старта. Она часто говорила: «Наше время теперь — бортовое», — и мысленно прокручивала траекторию главного манёвра снова и снова.

Алекс — астрофизик, майор. Слышал в данных что-то вроде музыки — ритм, который другие называли шумом. В нагрудном кармане держал кристалл с записью голоса матери.

Наташа — врач-биолог, капитан. Хотела найти жизнь там, где её быть не могло. И втайне боялась, что найдёт только пустоту.

Алексей — бортинженер, майор. Самый старший. Чувствовал корабль как собственное тело — слышал, как пульсируют энергоканалы, как дышит металл под нагрузкой. Семьи у него не было — ни жены, ни детей, ни даже кота, который ждал бы у порога. «Союз» был его домом, а экипаж — семьёй, хотя вслух он этого никогда не говорил.

Арина — инженер-робототехник, капитан. Её дроны были продолжением её воли: точные, без суеты. Придерживалась одного правила: «Факты не лгут». Следила за потоками данных так, как другие следят за дыханием больного.

Ника — лингвист-контактолог, химик, старший лейтенант. Самая младшая в экипаже. Верила, что даже тишина космоса — это чья-то речь на незнакомом языке. Перед дверью медицинского кабинета произнесла:

— Мы платим временем за знание. Полгода нашей жизни — тридцать лет на Земле. Когда вернёмся с ответами, может, вопросы уже никто не задаст. Но это цена, которую мы согласились заплатить.

Каждый в экипаже мог заменить другого при необходимости. Но никто из них не мог быть уверен, хватит ли подготовки в случае контактов с иной цивилизацией.

И Каия — бортовой искусственный интеллект «Союза». Её имя — аббревиатура: Космический Адаптивный Интеллект Ядерного уровня. Но для команды она просто Каия. Экипаж воспринимал её как полноправного члена. Она не просто выполняла команды — она участвовала в диалоге, учитывала эмоциональный контекст, помнила предыдущие решения и могла предложить альтернативный сценарий. Её голос звучал мягко, почти человечно, она умела менять интонацию.

За пятьдесят минут до старта экипаж собрался у подножия «Союза» для проверки скафандров. Техники методично проверяли герметичность и работу систем жизнеобеспечения. Космонавты молча наблюдали за их движениями, каждый повторял в голове свои протоколы. Когда техники завершили проверку, генерал Голиков сделал шаг вперёд. Он оглядел экипаж — не как командир подчинённых, а как отец, отпускающий детей в дальний путь. Его голос, обычно твёрдый и командирский, прозвучал по-отечески:

— Как говорил Суныцзы: «Истинная мудрость в умении приспособливаться к обстоятельствам». Друзья, помните, вы идёте понимать. И не знаете, с чем столкнётесь.

В эту минуту широкий шлюз «Союза» распахнулся, словно приглашая экипаж переступить невидимую черту. Летний воздух струился внутрь, неся с собой едва уловимый запах озона и металла. Один за другим члены экипажа поднялись на борт. Ника на мгновение замерла на пороге, оглянулась на стартовую площадку — на генерала Голикова, техников, инженеров, врачей, пожарных, службу безопасности. Помахав им рукой, она шагнула внутрь.

Когда последний член команды переступил порог, массивные створки шлюза начали смыкаться. Глухой металлический удар поставил точку, а затем — тишина. Где-то в глубине корабля зашипели клапаны, и лёгкий ветерок от системы вентиляции принёс едва заметный

аромат пластика и нагретых микросхем — запах, который отныне будет сопровождать их. Система подала сигнал: «Герметичность подтверждена».

В центре кабины мягко вспыхнул голубой свет. Из мерцающего конуса проекции возникла Каия — полупрозрачная фигура, разработанная специально для психологического комфорта экипажа в долгих миссиях.

— Экипаж, приветствую вас на борту «Союза». Диагностика систем жизнеобеспечения завершена. Кислород, вода, рециркуляция — всё в норме. Расчётное время миссии — пять месяцев и три дня бортового времени. С учётом релятивистских эффектов на Земле за этот период пройдёт тридцать лет и семнадцать дней, — доложила Каия. Голограмма замерла. В кабине воцарилось молчание.

Каждый в экипаже знал: расстояние до родной планеты и бег времени по законам далёких звёзд исключали любую возможность поддержки извне. А общий запас прочности систем жизнеобеспечения — кислорода, воды, питания и энергии — рассчитан на два года и два месяца бортового времени. Этого хватит, чтобы пережить даже самую длительную чрезвычайную ситуацию и вернуться домой, полагаясь лишь на собственные силы и несокрушимый звездолёт, рождённый покорять бездны.

Мила представила, как за эти тридцать лет на Земле вырастут дети, состарятся друзья, изменится облик городов.

Алекс бросил короткий взгляд на Наташу — та замерла, не шевелясь, но по лёгкому движению губ можно было догадаться, что она тоже прокручивает в голове эту цифру.

Алексей, Арина и Ника были невозмутимы.

Экипаж занял свои места. Мягкое шуршание ремней безопасности, тихие щелчки фиксаторов — будто в последний раз проверяя: «Всё ли на своём месте? Всё ли готово к прыжку в неизвестность?».

Мила провела пальцем по экрану, где мигали индикаторы:

— Тридцать лет, ребята Мы улетим в одну эпоху, а вернёмся в другую. Мы станем легендой ещё до возвращения.

— Тогда сделаем так, чтобы эта эпоха нас запомнила, — сказал Алекс с улыбкой.

— За это время можно будет починить всё, что сломается дважды, — добавил Алексей.

— А я всё пытаюсь представить, какие письма ждали бы нас там если бы можно было их получить. Но вместо писем — будут только звёзды и космическая тишина, — произнесла Арина. — А вдруг за эти пять месяцев мы найдём что-то, ради чего стоило покинуть дом?

Мирослав посмотрел на неё:

— Именно поэтому мы вернёмся. Чтобы рассказать, как это было. Одна нога туда, другая обратно.

— Я обещала племяннице узнать, есть ли там единороги, — сказала Мила. — Она пове- рит только мне.

— А я, — сказала Ника, — обещала маме привезти инопланетный камень для коллекции.

— Камень? — спросила Арина с удивлением.

— А мой сын, — сказала Наташа, — хочет знать, одиноки ли мы во Вселенной.

До старта «Союза» оставалось тридцать минут. В командно-диспетчерском пункте инженеры сосредоточенно сверяли данные с трёх независимых систем: каждый параметр, каждый коэффициент дублировался, перепроверялся, сопоставлялся. Тишину нарушали лишь редкие щелчки клавиатур и приглушённое гудение серверов.

Диспетчер оповестил:

— «Союз», начинаем финальную проверку. Командир, подтвердите герметичность отсеков.

— Подтверждаю. Давление стабилизировано. Утечек нет.

— Центр. Штурман. Астрокоррекция выполнена, ориентиры зафиксированы. Готовы к следующему этапу.

— Подтверждаю, все системы зелёные, — ответил диспетчер. — Командир, вы готовы принять управление?

— Готов.

— До перехода в автономный режим — десять минут. Начинаю отключение внешних кабелей, — сообщила Каия.

За бортом «Союза» массивные манипуляторы отстыковывали топливные шланги. Каждый щелчок разъёма отзывался по корпусу — коротко, как удар пульса.

В динамиках раздался голос генераллейтенанта Голикова — тёплый, но строгий:

— «Союз», это Фёдор Фёдорович. Удачи, ребята. За вами — весь мир.

— Так точно, Фёдор Фёдорович. Мы не подведём, — сдержанно ответил Мирослав.

На борту «Союза» каждый член экипажа переживал этот миг посвоему: Мила почувствовала, как вспотели ладони, когда автопилот выдал: «Все системы на максимуме». В голове — только цифры, маркеры, траектории. И вдруг она вспомнила себя девчонкой, которая смотрела в небо и мечтала летать. — Мечты сбываются, — произнесла она.

У Алекса в памяти остался голос матери. Он мысленно повторил: «Я вернусь», — и вновь сфокусировался на приборах.

Наташа контролировала на мониторах состояние экипажа: сахар, пульс, давление. Всё в норме.

— Давайте уже полетим, — обратилась она ко всему экипажу и засмеялась.

— Что, не терпится увидеть чужеродную биологию? — воскликнул, улыбаясь Алексей.

Он слушал, как нарастал гул двигателей, оживала энергия в энергоканалах. Корабль дышал — и он чувствовал это каждой клеточкой. «Мы готовы», — подумал он, наблюдая за показателями.

Арина фиксировала каждое изменение на панели. «Факты не лгут», — сказала она чётко, без эмоций.

Ника вслушивалась в звуки систем. Ей казалось, что космос уже говорит с ней — на языке, который она понимает. Она ждала первых нот неизвестной речи, первых знаков иного разума.

И тут прозвучал чёткий, размеренный голос диспетчера: — «Союз», доложите о готовности к старту. — Говорит командир корабля, автопилот активирован. Все системы на максимуме.

— Вас понял, «Союз».

— Подтверждаю, — отозвался бортовой голос Каии. — Время старта — семнадцать часов сорок две минуты по Гринвичу. Московское время — двадцать часов сорок две минуты. Автопилот переведён в режим старта. Начинаю обратный отсчёт:

десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

Старт!

С первыми импульсами стартовых двигателей пол под ногами экипажа содрогнулся — не резко, а мощно, раскатисто. Гигантские опоры разошлись в стороны. Изпод основания вырвалось огненное пламя — сначала сдержанное, потом всё более яростное. И «Союз» начал неторопливо, уверенно отрываться от земли.

Первые секунды полёта — это не стремительный рывок, а нарастающее усилие. С последним движением опор корабль обретает свободу — и тут же устремляется вверх, словно боясь упустить миг; затем — ещё один толчок, мощнее, и вот уже стартовый стол уходит вниз, скрываясь в бушующем море огня. Вибрация пронизывает каждый сантиметр корпуса. Панели мерцают, экраны на мгновение гаснут от напряжения, а затем вновь оживают. Перегрузки нарастают плавно, но неумолимо. Экипаж вжимается в кресла, их лица — сосредоточенные, почти

бесстрастные. Каждый знает, сейчас «Союз» проходит самое опасное испытание — преодоление земного притяжения. Звук рёва двигателей — не однотонный, а многослойный; басовитый гул основных ускорителей, пронзительный свист вспомогательных сопел, металлический гул корпуса, который то сжимается, то расширяется под напором сил.

— Центр, параметры в норме, — доложил командир.

— Подтверждаю, системы стабильны, — добавила Мила, не отрывая взгляда от экранов.

— Траектория в норме. Перегрузки в допустимом диапазоне. Щит активен.

«Союз» стремительно поднимался. Земля уплывала вниз, небо наливалось тёмной глубиной. В воздухе мерцала голограмма Каии:

— Квантовые модули синхронизированы. Отклонений нет.

Мирослав вышел на связь:

— Центр, «Союз» на связи. Этап подъёма завершён. Высота — сто шестьдесят тысяч километров, наклонение — пятьдесят одна целая шесть десятых градуса. Запрашиваю подтверждение перехода к следующему этапу.

— Принято, «Союз». Подтверждаем выход на расчётную орбиту. Переходите к протоколу «Орбита-два»: два витка для полной проверки систем.

— Понял, Центр. Начинаем протокол «Орбитадва», — ответил Мирослав. — Мила, держи траекторию. Каия, активируй режим мониторинга.

— Режим мониторинга активирован.

Первый виток, рутинная проверка систем. «Союз» скользил над зоной рассвета Земли. В иллюминаторах мерцали звёзды, а чернота космоса казалась — не угрозой, а просто фактом.

— Центр. Траектория стабильна. Отклонение равно нулю. Гравитационные возмущения в пределах нормы, — доложила Мила.

Алекс добавил, не отрываясь от панели:

— Оптические сенсоры активированы, сканирую пространство на мусор и микрометеориты. Пока чисто.

Мирослав, сверяясь с данными, обратился к Центру:

— Центр. На первом витке зафиксировали незначительные колебания в квантовом поле.

Переходим ко второму витку.

— Принято, «Союз». Ждём данные.

В командном отсеке стало тихо. Корабль плавно огибал Землю, и в этом размеренном движении, в лёгком гуле систем, вдруг обнажилась настоящая реальность: они уже не на Земле. Не просто в космосе — а на пороге прыжка.

Экипаж завершил первичные проверки, все системы стабильны, траектория в норме. Только теперь, в короткую передышку, каждый смог позволить себе заглянуть вглубь — туда, где цифры и доклады растворялись в чёмто большем. Именно тогда, в этой тишине, каждый из них почувствовал то, что скрывалось за цифрами и докладами: одиночество. Не физическое — а экзистенциальное. Осознание, что через тридцать минут они пересекут черту, после которой время начнёт течь иначе.

Мирослав смотрел на звёздную россыпь, и в груди разрасталась тяжёлая пустота. У него был только сын — и это было его главным богатством. Они никогда не теряли связи, ни в детстве, когда Мирослав учил его завязывать узлы и читать азбуку, ни в юности, когда сын спорил с ним о смысле жизни и выборе пути. Даже сейчас, взрослым, он оставался тем же — открытым, честным, готовым слушать и говорить. Их отношения были апофеозом отцовской любви и взаимного уважения: без упреков, без недоговорённостей, с глубокой внутренней близостью. В памяти всплыло их последнее прощание. Сын стоял у трапа самолёта; он смотрел снизу вверх, и в его глазах была не обида — а тревога.

— Ты уверен? — спросил сын. — Это же не просто командировка.

Мирослав улыбнулся. Впервые за долгое время ему было трудно подобрать слова — не потому, что не хотел говорить, а потому, что слова казались слишком малы для того, что он чувствовал.

— Я должен, — сказал он. — Но я вернусь. Обещаю.

— Знаю, что должен, — сказал сын и кивнул. — Я люблю тебя, пап. Я буду ждать.

Мирослав обнял сына и не спешил отпускать — сын обнял в ответ, вцепившись пальцами в куртку, — будто хотел унести с собой это тепло. И всё же сейчас, перед таким полётом, его одиночество обрело новый смысл.

Мила проводила пальцами по голографической карте, будто пыталась запомнить каждую звезду. Вчера она закончила письмо матери — «Ты не спросишь, где я. Но я скажу: в космосе». Теперь эти строки звучали как приговор. В груди сжималась тоска, на Земле остались самые дорогие люди. Только мысли о маме не приносили утешения — лишь острый, колющий холод.

Мама всегда была другой. Не той, что обнимает перед сном, не той, что шепчет «всё будет хорошо». Её любовь выражалась в жёстких правилах, в бесконечных «должна», «обязана», «не подведи». В детстве Мила мечтала услышать от неё простое «я горжусь тобой», но вместо этого получала список недочётов: «Почему не на первом месте? Почему не идеально?» Даже когда Мила поступила в академию, мама лишь кивнула: «Академия? — Мама прищурилась. — Только не надейся, что я буду тебя жалеть, если провалишься. Ты выбрала — ты и отвечай».

Но была сестра. И была маленькая племянница — её солнечный лучик. Мила вспомнила, как они устраивались в мягком кресле в детской, и она читала девочке сказки — с выражением, делая паузы на самых волнительных моментах. Племянница слушала, широко раскрыв глаза, а потом засыпала, прижимая к себе любимую игрушку. Что будет с ней через тридцать лет? — мысль пронзила Милу острой болью. Кем она станет? Будет ли помнить меня? Что останется от её мира через тридцать лет? Она боялась воспоминаний: в темноте ей чудились пустые улицы родного города, заросшие травой. В ушах всё ещё звучал голос матери — строгий, как метроном: «Ты знаешь, что должна сделать». И рядом с этим голосом — тихий шёпот племянницы: «Тётя Мила, почитай ещё»

По её щеке потекла слеза — чистая, как прощание с прошлым. Она поджала губы, пытаясь удержать улыбку девочки, её тёплые пальчики, цепляющиеся за рукав: — Это — то, что я защищаю. Это — то, ради чего стоит вернуться, — сказала Мила еле слышно.

Алекс вслушивался в тишину корабля и слышал только эхо голосов людей, которых уже не встретит. Он помнил, как смеялись над его «космическими симфониями» в университете. Теперь эти люди состарятся, а он — вернётся молодым. Он улыбнулся. В голове крутилась строчка из старой песни, которую они когда-то пели в университете: «Мы уходим, чтобы стать легендой». Он не хотел быть легендой. Хотел просто жить. Но выбор был сделан.

Наташа видела не биометрические цифры на мониторах, а лицо сына — взрослого, полного надежд. Перед стартом он смотрел на неё с особой теплотой, будто старался запечатлеть этот миг. Как искать жизнь в глубинах космоса, зная, что самая важная жизнь ускользает? Она мысленно повторила его имя. Память — единственный мост, который со временем станет островом, окружённым вечностью.

Алексей чувствовал, как дрожит корпус корабля, и это успокаивало. Металл не предаст. За полгода до старта не стало мамы. В последний раз он видел её слабой, но она всё равно пыталась улыбнуться. Долго молчала, а потом сказала:

— Знаешь, Алёша Я не о звёздах мечтаю. Хочу увидеть тебя счастливым — рядом с женой, с детьми. Внуков бы понянчить Чтобы ты не мотался, гдето там, за сотнями световых лет, а был здесь — с семьёй, с теми, кто любит тебя понастоящему.

Он не нашёл тогда слов для ответа. Только сжал её руку — такую хрупкую — и кивнул. Теперь её комната пустовала. Дом стоял запертым. Ветер шевелил занавески в их гостиной — так же, как и прежде, но уже без неё. Что останется от её мечты через тридцать лет? — мысль

кольнула изнутри. Он закрыл глаза, пытаясь удержать образ: её руки, тёплые и ловкие, её голос, напевающий старую песню. Он чувствовал: если корабль жив, значит, жива и память о маме. Он будет держать эту связь — через пульсацию энергоканалов, через дыхание металла. Каждый гул сервоприводов, каждый ритм генераторов становился для него отголоском её присутствия. И пока он слышит этот ритм, она остаётся рядом. Её слова — не упрёк, а тихая просьба о земном счастье — звучат в нём даже здесь, среди звёзд

Арина проверяла интерфейс управления дронами, движения её пальцев были точными. Каждый жест — как строчка из давно выученной наизусть песни. Но сегодня мелодия сбивалась: в голове снова и снова всплывало воспоминание о том дне, когда они с Никой узнали, что прошли отбор для миссии.

Тогда, в холле Центра подготовки, они стояли перед списком отобранных кандидатов. Руки дрожали, глаза искали свои фамилии. И когда нашли — не поверили. Ника первой рассмеялась, потом заплакала, потом снова рассмеялась. Арина обняла её, чувствуя, как внутри растёт одновременно восторг и ужас.

— Что теперь? — спросила Ника, вытирая слёзы.

— Теперь — Арина огляделась, заметила на столе стопку бумаг, вырвала лист, быстро написала:

- «1. Вернуться.
2. Найти наш старый двор.
3. Сварить какао по маминому рецепту.
4. Рассказать всё — от начала до конца.
5. Начать заново».

Свернула листок в самолётик и пустила по воздуху. Ника поймала, прочитала, улыбнулась и дописала: «б. Не забыть про сушки!» Обе рассмеялись.

Сейчас, глядя на мерцающие экраны, Арина снова ощутила тот холодок страха. Что, если Ника была права тогда, в холле? Пять месяцев полёта — и тридцать лет на Земле. Их родители, друзья, даже город, где они выросли, — всё превратится в воспоминания, в пыль на старых фотографиях. Арина посмотрела на сестру. Ника, сосредоточенно изучающая данные с датчиков, что-то бормотала себе под нос, хмурилась — такая знакомая, такая настоящая.

— Нет, мы не позволим времени стереть нас. В этом корабле, среди звёзд, у нас есть то, что нельзя отнять: память о том самолётике, о смехе сквозь слёзы. Пока мы помним — мы остаёмся собой. Остаёмся семьёй. Я знаю, — подумала Арина.

Ника почувствовала, как в груди разрастается пустота — не боль, а просто отсутствие чего-то необходимого. Она сделала глубокий вдох, ожидая услышать хотя бы эхо собственного дыхания в наушниках, но воздух проходил сквозь неё бесшумно. Корабль был полон звуков: гул вентиляторов, щелчки реле, — но всё это не заполняло тишину внутри.

В памяти всплывали обрывки детства: жаркие споры с бабушкой, которая вечно твердила: «Сиди смирно, не суетись, будь как все!» А Ника не могла — ей нужно было всё потрогать, всюду залезть, узнать, как устроено. Она доводила бабушку до белого каления, но та всё равно любила её — ворчливо, по-своему.

А мама Мама всегда вставала на её сторону. «Пусть исследует, — говорила она. — В этом её сила». Мама покупала ей микроскопы, химические наборы, книги по астрономии. Именно мама первой поверила, что Ника сможет попасть в космическую программу.

— Я здесь, — сказала Ника вслух, словно бросая вызов пустоте вокруг.

В голове роились вопросы: «А что, если где-то за этими помехами — ответ? Если где-то есть жизнь, которую мы даже вообразить не можем?»

Она представила, как её книги пылятся в библиотеке, а её имя стирается из памяти. Но тут же мысленно добавила: «А может, я напишу новую книгу — там, среди звёзд? О том, что никто ещё не видел».

Ника оторвала взгляд от панели. В иллюминаторе проплывал Тихий океан — бескрайний, равнодушный. Она вспомнила мамины слова: «Пусть исследует. В этом её сила». Теперь это была не просто фраза — это был её компас.

Тишина в отсеке нарушалась лишь мерным гулом систем и тихим шелестом вентиляции. Корабль плавно скользил по расчётной траектории — второй виток шёл по инерции. Экраны показывали стабильную картину, а навигационные маркеры твёрдо держали курс. Экипаж молча следил за показаниями. Каждый понимал: это не просто очередной виток. Это последняя «привычная» точка орбиты перед зоной нестабильности, где законы времени и пространства начнут меняться.

На экранах замигала зелёная индикация:

«ПРОТОКОЛ «ОРБИТА ДВА» ЗАВЕРШЁН».

— Два витка завершены. Все параметры в норме. Гравитационные аномалии отсутствуют. Дистанция до Земли — сто шестьдесят тысяч километров, — прозвучал голос Милы.

Мирослав подхватил: — Центр управления, «Союз» на связи. Запрашиваем разрешение на переход к режиму искривления. Готовность девяносто восемь процентов.

Центр ответил мгновенно: — «Союз», подтверждаем. Параметры в норме. Разрешаем переход к режиму искривления. Удачи, экипаж.

— Принято. Активируем протокол искривления. Каия, иницируй старт синхронизации квантовых модулей.

— Синхронизация квантовых модулей начата, — откликнулась Каия.

Корпус корабля едва заметно дрогнул.

— Начинаем курс на точку искривления, — скомандовал Мирослав.

— Выполняю, — откликнулась Каия.

На главном экране вспыхнул символ:

«ИСКРИВЛЕНИЕ — АКТИВАЦИЯ».

По корпусу пробежала дрожь, пространство словно сопротивлялось. Квантовые модули по бортам вспыхнули холодным голубым светом. Воздух наполнился низкочастотным гулом — давлением на кости черепа.

— Каия, доклад по системам.

— Варп-двигатель активирован, идёт накачка поля. Параметры соответствуют расчётным. Готовность к переходу — девяносто восемь процентов.

— Центр, предстартовая фаза завершена. Критических отклонений нет.

— «Союз», Центр. Наблюдаем стабильные показатели.

— Экипаж в норме. Психоэмоциональный фон стабильный, — сообщила Наташа.

— Центр, врач подтверждает: экипаж готов. Запрашиваю разрешение на вход в канал искривления.

— «Союз», разрешаем. Приём.

— Принято, Центр. Каия, старт обратного отсчёта.

— Начинаю.

Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять...

На экране загорались цифры. Пространство вокруг «Союза» как будто натягивалось. Звёзды на экранах поплыли, вытягиваясь в тёмные полосы.

Четыре... три...

Экран моргнул. На секунду — тьма. Потом вернулось изображение.

Два... один...

Тишина. Только гул в костях. Экипаж замер.

— Старт.

В тот же миг перед «Союзом» возник мерцающий овал — не отверстие, а рана в ткани реальности. Он пульсировал, переливаясь синефиолетовым пламенем, словно разрыв, запол-

ненный звёздами. Пространство вокруг корабля задрожало, будто натянутая до предела мембрана.

На экранах вспыхнули хаотичные помехи. Звёзды на обзорных панелях разорвались на фрагменты — длинные огненные штрихи, разлетающиеся в стороны, будто осколки стекла, — а затем исчезли. В последний миг на краю искажения мелькнул край Земли — голубой полумесяц, окаймлённый золотом. Пространство лопнуло.

Земля осталась позади — как сон, как воспоминание, как точка.

Связь с Центром оборвалась. В зале настала мёртвая тишина. Диспетчеры застыли перед погасшими экранами. Голиков снял наушники.

— Они ушли.

Оператор связи нервно сообщил:

— Сигнал полностью отсутствует. Ни телеметрии, ни несущей частоты.

Второй, проверяя резервные каналы, доложил:

— Все частоты молчат. Фоновый шум исчез.

— Ждём, — сказал Голиков.

На борту «Союза» пульсировали индикаторы:

— Каия, первичная диагностика после скачка, — скомандовал Мирослав.

Каия ответила через двадцать семь секунд:

— Все критические системы в норме. Пройденное расстояние за минуту — семнадцать миллионов девятьсот девяносто восемь тысяч километров. Начинаю расширенную проверку.

— Наташа, состояние экипажа. — Здоровы. Перегрузки в допустимом диапазоне.

— Центр, «Союз». Скачок завершён. Все системы работают штатно. Экипаж в норме.

В Центре управления тем временем шла пятьдесят восьмая минута ожидания. Голиков стоял у главного пульта. Перед глазами снова встала хроника: «Прометей1» выдержал десять минут — десять! — стабильного разгона. Двигатель работал чисто, телеметрия показывала норму. А на одиннадцатой минуте — вспышка, обломки, молчание. Сейчас на хронометре — пятьдесят восемь минут. Почти в шесть раз дольше. Но каждая новая секунда лишь подстёгивала тревогу, если сбой возможен, он случится именно сейчас — на грани ожидания.

Вокруг кипела работа; операторы в наушниках сверялись с мониторами, на десятках экранов бежали строки данных, мигали графики траекторий, пищали системы оповещения. Но главный экран оставался чёрным — ни сигнала, ни телеметрии.

За спиной Голикова раздался твёрдый шаг. Генералмайор Алексей Иванович Кузнецов подошёл, положил руку на плечо Голикова.

— Не переживай, Фёдор Фёдорович. Двигатель справится. Я сам его строил. Каждый узел проверял лично. Мы сделали всё, что могли. Теперь — только ждать и верить.

Голиков не ответил. Его взгляд не отрывался от хронометра: пятьдесят восемь минут тридцать семь секунд. В зале царило напряжённое молчание. Каждый понимал: если «Союз» не выйдёт на связь в ближайшие минуты, это может означать худшее.

И всё же Голиков мысленно цеплялся за одну мысль: время здесь, на Земле, и там, на борту, текло поразному. По расчётам, их минута соответствовала более чем часу по земному хронометру. Значит, для экипажа прошло куда меньше — едва ли полминуты с момента скачка. Они ещё даже не подошли к той роковой отметке, на которой сорвался «Прометей1».

— Да, Алексей, только «Прометей» сорвался на разгоне. А «Союз» уже в полёте. Это другие нагрузки, риски на скачке и на разгоне — не одно и то же.

— Если что-то пойдёт нештатно, Каия успеет отправить сигнал на Землю за доли секунды до Ну, ты знаешь. — Кузнецов не договорил.

В этот момент в зале раздался голос Мирослава — ровный, без тревоги. На главном экране вспыхнуло:

«СКАЧОК: УСПЕШНО. ЭКИПАЖ ЖИВ. ВСЕ СИСТЕМЫ В НОРМЕ. ПРОЙДЕННОЕ РАССТОЯНИЕ ЗА МИНУТУ СЕМНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ».

— Автоматика подтвердила! — выдохнул с облегчением Голиков. — Они живы и на курсе. Миллионы километров, невероятно.

Секунду зал молчал. Потом взорвался.

— Есть сигнал! — крикнул кто-то из инженеров.

— Живы!

Люди вскакивали с мест, обнимались, хлопали друг друга по плечам. Послышались аплодисменты, смех, звонки в смежные отделы. Час неизвестности остался позади. Кузнецов крепко пожал Голикову руку. Они обнялись.

— Вот и всё, Фёдор Фёдорович.

— Выдержали, Алёшка, — радостно воскликнул Голиков.

А на «Союзе» экипаж испытывал смешанные чувства: облегчение и недоверие к свершившемуся. В ушах ещё стоял лёгкий звон, а экран плыл, будто пространство не успело стабилизироваться. Мирослав улыбнулся: — Мы сделали это. Первые в истории.

На панели вспыхнули строки: «Корпус: цел». «Атмосфера: норма». «Энергия: девяносто семь процентов». «Навигация: активна».

Экипаж оживился. Наташа обернулась к остальным, её глаза блестели:

— Мой сын будет гордиться.

Алексей ритмично постучал пальцами по подлокотнику, бросил взгляд в иллюминатор — на незнакомые звёзды — и улыбнулся:

— Эта птичка ещё себя покажет. Знай наших.

Арина наклонила голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя:

— Никогда не думала, что это случится со мной. Мы первооткрыватели.

Мила, глядя на температурные графики, неожиданно рассмеялась:

— А я всё ждала, когда же почувствую, что мы летим со скоростью света. А оказалось — просто раз, и уже летим!

Ника, глядя в иллюминатор, запела: «А мы летим орбитами, путями не избитыми». Её голос, чистый и уверенный, разнёсся в наушниках экипажа. И весь экипаж подхватил: «Прощит метеоритами простор» — дружно, в полный голос. Так они отмечали свой триумф — песней, что объединила сердца в едином порыве. Последние ноты затихли — и тут же раздались ликующие возгласы:

— Мы сделали это!

Пристёгнутые к креслам в массивных скафандрах, экипаж ритмично стучал по подлокотникам. Мощный стук сливался с их ликующими голосами

В динамиках раздался бесстрастный голос Каии:

— Дополнительная диагностика завершена. Все системы работают в штатном режиме. Экипаж здоров. Рекомендация: снять скафандры.

Смех оборвался. Кто-то нервно хихикнул, Мила, не скрывая улыбки, покачала головой:

— Каия, ты как всегда вовремя Мы тут, победу празднуем, а ты

— Мои алгоритмы зафиксировали всплеск эмоциональных реакций, несовместимых с протоколом безопасности до подтверждения стабильности систем. Диагностика завершена, рекомендую снять скафандры для комфорта экипажа.

В бытовом отсеке они сняли скафандры, поместили их в герметичные ячейки для сушки, оставшись в лёгких полётных комбинезонах, с нашивками «Союза» на груди.

Экипаж вернулся на командный мостик. Мила первой обернулась к огромному обзорному иллюминатору в носовой части отсека и замерла:

— Смотрите...

Она сделала несколько шагов к обзорному стеклу. Один за другим к ней присоединялись остальные. За толстым стеклом, в обрамлении холодной стали корабля, распахнулась бесконечность. Звёзды горели ровно, холодно, равнодушно — в этой их неподвижности было что-то величественное и пугающее одновременно.

— Красиво, — сказала Ника.

— Страшно, — поправила Арина. — И красиво.

— Это одно и то же, — отозвался Алекс. — Космос.

Мила смотрела не отрываясь. Где-то там, за этим звёздным узором, осталась Земля. Маленькая точка, которую уже не разглядеть. А здесь, перед ней, — то, что никто не видел.

— Мы правда здесь, — сказала она негромко. — Не на тренажёрах. Не в симуляции. А сами по себе.

— Не сами, — возразил Алексей. Он положил ладонь на холодное стекло иллюминатора, будто гладил невидимое живое существо. — Корабль с нами. Каия с нами.

Наташа повернула голову и внимательно посмотрела на него:

— И мы, — сказала она. — Шесть человек. Тоже пока с тобой.

Алексей на секунду замер. Потом коротко кивнул, не оборачиваясь: — Я знаю.

И все поняли: знает. Просто забыл сказать. Ника прижалась лбом к стеклу, будто пыталась разглядеть в этой бездне что-то, кроме звёзд.

— Странно, — сказала она.

— Что? — Арина встала рядом.

— Мы ищем сигналы, языки, следы чужого разума. А вдруг они смотрят на нас точно так же? Видят точку, которая только что нырнула в искривление, и гадают: кто там? Друзья? Враги? Или просто путники?

— Мы и есть путники, — ответила Арина.

Мирослав слушал их молча. Дал им ещё несколько секунд:

— Так. Насмотрелись. Дальше — по расписанию. Первая вахта — мы с Алексеем. Восемь часов. После завтрака разобрать личные вещи, принять душ и лечь спать. Помним, организму нужно время для адаптации к условиям.

Один за другим они покидали отсек. Арина и Ника вышли вместе — Ника чуть задержалась в проходе, оглянулась на кома

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.